

FB2: "golma1 ", 2009-02-04, version 1.0

UUID: 3E65356F-9B46-4821-9C7B-6E80E1FCCB03

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Валерий Брюсов

Mea

Содержание

В НАШИ ДНИ	0006
МАГИСТРАЛЬ	0006
ПОСЛЕ СМЕРТИ В. И. ЛЕНИНА	0008
ЛЕНИН	0009
У КРЕМЛЯ	0010
ШЕСТАЯ ГОДОВЩИНА 1917–1923	0011
СССР	0013
ЗСФСР	0014
ШТУРМ НЕБА	0016
ЭРЫ	0017
В МИРОВОМ МАСШТАБЕ	0020
МАШИНЫ	0020
НЕВОЗВРАТНОСТЬ	0022
МИР ЭЛЕКТРОНА	0024
МИР N ИЗМЕРЕНИЙ	0025
ЯВЬ	0026
КАК ЛИСТЬЯ В ОСЕНЬ	0027
АТАВИЗМ	0028
ХВАЛА ЗРЕНИЮ	0030
В ДЕРЕВНЕ	0032
НЕ ПАМЯТЬ	0032
РОДНОЕ	0033
ИЗ ЛЕСНОЙ ЖУТИ	0034
УМИЛЬНЫЕ СЛОВА	0036
ЛЕСНАЯ ТЬМА	0037

ДОЖДЬ ПЕРЕД НОЧЬЮ	0038
ЗИМОЙ	0039
СОВРЕМЕННАЯ ОСЕНЬ	0040
ИЗ КНИГ	0042
КНИГА	0042
ОБЩАЯ СТАНЦИЯ	0043
ТЕТРАДЬ	0044
ЕЛЕНА У ПАРИДА	0046
ДИАДОХИ	0047
БОДЛЕР	0049
ВАРИАЦИИ, НА ТЕМУ «МЕДНОГО ВСАДНИКА»	0051
МЫСЛЕННО	0054
МЫСЛЕННО, ДА!	0054
МОЛОДОСТЬ МИРА	0056
НАД СНЕГОМ КАНАДЫ	0058
В ТИХОМ ОКЕАНЕ	0061
МАРРИЭТОВЫ МИЧМАНЫ	0062
ПЕСНЯ ДЕВУШКИ В ТАЙГЕ	0063
ГДЕ-ТО	0064
НАЕДИНЕ С СОБОЙ	0066
ТА ЖЕ ГРУДЬ	0066
ЭТО Я	0068
У СМЕРТИ НА ПРИМЕТЕ	0069
ДОМОВОЙ	0070
АРИАДНЕ	0071
МЕРТВЕЦ	0072
ТАК ВОТ ГДЕ...	0073

ДВА КРЫЛА	.0074
ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ	.0076
БРЕДЫ	.0079
НА РЫНКЕ БЕЛЫХ БРЕДОВ	.0079
НОЧЬ С ПРИВИДЕНИЯМИ	.0081
СИМПОСИОН ЗАКАТА	.0083
КАРУСЕЛЬ	.0085
ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО	.0087
ДАЧНЫЙ БРЕД	.0089

Валерий Брюсов
МЕА[1]
1922–1924

В НАШИ ДНИ

МАГИСТРАЛЬ

Были лемуры, атланты и прочие...
Были Египты, Эллады и Рим...
Варвары, грузы империй ворочая,
Лишь наводили на мир новый грим...
Карты пестрели потом под феодами,—
Чтоб королям клочья стран собирать...
Рушились троны и крепки... И одами
Славили музы борьбу, рать на рать...
Царства плотились в Союзы, в Империи,
Башнями строя штыки в высоту...
Новый бой шел за земные артерии...
Азию, Африку, все — под пяту!..
Труд поникал у машин и над нивами...
Армии шли — убивать, умирать...
Кто-то, чтоб взять всю добычу, ленивыми
Пальцами двигал борьбу, рать на рать.
Было так, длилось под разными флагами,
С Семирамиды до Пуанкаре...
Кто-то, засев властелином над благами,
Тесно сжимал роковое каре.

Небо сияло над гордыми, зваными...
Жизнь миллионов плелась в их руках...
Но — ветер взвыл над людскими саванна-
ми,

Буря, что издавна тлела в веках.
И грань легла меж прошлым и грядущим,
Отмечена, там, где-то, дата дат:
Из гроз последних лет пред миром жду-
щим,

Под красным стягом встал иной солдат.
Мир раскололся на две половины:
Они и мы! Мы — юны, скудны, — но
В века скользим с могуществом лапины,
И шар земной сплотить нам суждено!
Союз Республик! В новой магистрали
Сольют свой путь все племена Европ,
Америк, Азии, Африк и Австралии,
Чтоб скрыть в цветах былых столетий
гроб.

20—25 января 1924

ПОСЛЕ СМЕРТИ В. И. ЛЕНИНА

Не только здесь, у стен Кремля,
Где сотням тысяч — страшны, странны,
Дни без Вождя! нет, вся земля,
Материки, народы, страны,
От тропиков по пояс льда,
По всем кривым меридианам,
Все роты в армии труда,
Разрозненные океаном,—
В тревоге ждут, что будет впредь,
И, может быть, иной — отчаян:
Кто поведет? Кому гореть,
Путь к новой жизни намечая?
Товарищи! Но кто был он? —
Воль миллионных воплощенье!
Веков закрученный циклон!
Надежд земных осуществленья!
Пусть эти воли не сдадут!
Пусть этот вихрь все так же давит!
Они нас к цели доведут,
С пути не сбиться нас — заставят!
Но не умалим дела дел!
Завета трудного не сузим!
Как он в грядущее глядел,

Так мир сплотим и осоюзим!
Нет «революций», есть — одна;
Преображенная планета!
Мир всех трудящихся! И эта
Задача — им нам задана!
28 января 1924

ЛЕНИН

Кто был он? — Вождь, земной Вожатый
Народных воль, кем изменен
Путь человечества, кем сжаты
В один поток волны времен.
Октябрь лег в жизни новой эрой,
Властней века разгородил,
Чем все эпохи, чем все меры,
Чем Ренессанс и дни Аттил.
Мир прежний сякнет, слаб и тленен;
Мир новый — общий океан —
Растет из бурь октябрьских: Ленин
На рубеже, как великан.
Земля! зеленая планета!
Ничтожный шар в семье планет!
Твое величье — имя это,
Меж слав твоих — прекрасней нет!
Он умер; был одно мгновенье

В веках; но дел его объем
Превысил жизнь, и откровенья
Его — мирам мы понесем.
25 января 1924

У КРЕМЛЯ

По снегу тень — зубцы и башни;
Кремль скрыл меня, — орел крылом;
Но город-миф — мой мир домашний,
Мой кров, когда вне — бурелом.
С асфальтов Шпре, с Понтийских топий,
С камней, где докер к Темзе пал,
Из чащ чудес, — земных утопий,—
Где глух Гоанго, нем Непал,
С лент мертвых рек Месопотамии,
Где солнце жжет людей, дремля,
Бессчетность глаз горит мечтами
К нам, к стенам Красного Кремля!
Там — ждут, те — в гневе, трепет — с теми;
Гул над землей метет молва,
И, зов над стоном, светоч в темень,—
С земли до звезд встает Москва!
А я, гость лет, я, постоялец
С путей веков, здесь дома я;
Полвека дум нас в цепь спаяли,

И искра есть в лучах — моя.
Здесь полнит память все шаги мне,
Здесь, в чуде, я — абориген,
И я, храним, звук в чьем-то гимне,
Москва! в дыму твоих легенд.
11 декабря 1923

ШЕСТАЯ ГОДОВЩИНА 1917–1923

Шестой! да, шестой! вновь за черными
красные цифры,
Кричит календарь — межевать вдохнове-
нье но дням,
С тех пор как от устали уст (мандолины и
цитры!)
Позвал барабан — ветерану винтовку под-
нять.
Шестой! да, где правит счет, вровень ве-
кам, за тринадцать,
Где славит лад праздничных дат: день ком-
мун, Первый
май;
Дежуря под бурей, воль красным знаме-
нам трепаться;

Клинок в мякоть века их древко, — попро-
буй, сломай.

Шестой! да, и вихрем (так около праздных
пампасов)

Гладь памятей смятых обшарена; взморье
она,

Чтоб к полюсам, пятым, девятым, плыть с
новым

компасом;

А в селах, где мысли ютились, пусть мор и
война!

Шестой! да, и поздно о прошлом! там — де-
вятсот пятый!

Так поздно, что звезды мертвы и луна от-
жила.

Но чу! бьют часы, и бегут, жгут гурьбой, и
от пят их

Пыль, полымя в небо, заря! — и земля тя-
жела.

Шестой! да, шестой, тысяча девятьсот два-
дцать третий!

Шестой, новый год! Новой мерой мерь эру
всех эр!

Медь метит двенадцать; грань сглажена —
гимнами

встретить

Би-люстр: новый свод в твой дворец миру,
Ресефесер!

5 декабря 1922

СССР

Эй, звезда, отвечай, на потеху ли
Ты навстречу солнцу летишь?
Не к созвездью ль Геракла доехали
Мы чрез миро-эфирную тишь?
Мимо — сотнями разные млечности,
Клубы всяких туманностей — сквозь!
Ну, а эти кометы, — им меч нести
Вдоль Земли, вдоль Земель, на авось!
Ах, ее так ли Египты, Ассирии,
Римы, Франции, всяческий бред,—
Те империей, те утлее, сирее,—
Всё — в былое, в запруду, в запрет!
Так в великом крушеньи — (давно ль
оно?)—

Троны, царства, империи — вдрызг!
Где из прежнего моря дозволено
Доплеснуть до сегодня лишь брызг.
Иль напрасно над хламом изодранным
Знамя красное взвито в свой срок?

Не с покона ль веков эта хорда нам
Намечала наш путь поперек?
Эй, Европа, ответь, не комете ли
Ты подобна в огнях наших сфер?
Не созвездье Геракла наметили
Мы, стяг выкинув — Эс-эс-эс-эр?
4 июля 1923

ЗСФСР

Планеты и Солнце: Союз и Республики стро-
ем.

Вождь правит ряды, он их двоит и троит.

Вот на дальней орбите собираются в круг
спутеллиты.

Не малые ль зерна в могучий шар слиты?

Где уже притяженье иных, нам почти чуж-
дых сфер,

Новый мир засветился: Зэ-эс-эф-эс-эр.

Как много в немногом! От отмелей плос-
ких, где Каспий

Вышкам с нефтью поет стародавние сказ-
ки,

За скалы Дарьяла, где, в вихре вседневных
истерик,

О старой Тамаре рыдальствует Терек,

До стран, где, былыми виденьями тешить-
ся рад,
Глядит к Алагязе седой Арарат!
Как много! И сколько преданий! От дней
Атлантиды
Несут откровенья до нас яфетиды;
Здесь — тень диадохов! там — римских
провинций
границы!
Там длань Тамерлана и бич его снится!
И снова тут сплочен, в проломе всемирных
ворот,
К труду и надеждам свободный народ.
Привет племенам, что века и века враждо-
вали,
Но вызваны к жизни в великом развале
Империй и царств! Вы звездой загорелись
на сфере!
Вы — силы земли! Вы — кровь нови! И ве-
рим;
Путь один держат к свету из древних пе-
щер и трясин
Абхазец и тюрк, армянин и грузин!

19 января 1924

ШТУРМ НЕБА

Сдвинь плотно, память, жалюзи!
Миг, стань как даль! как мир — уют!
Вот — майский день; над Жювизи
Бипланы первые планируют.
Еще! Сквозь книги свет просей,
Тот, что мутнел в каррарском мраморе!
Вот — стал на скат, крылат, Персей;
Икар воск крыльев сеет на море.
Еще! Гуди, что лук тугой,
Любимцев с тьмы столетий кликая!
Бред мудрых, Леонард и Гойи:
«Вскрылит, взлетит птица великая...»
Еще! Всех бурь, всех анархий
Сны! все легенды Атлантидины!
Взнести скиптр четырех стихий,
Идти нам, людям, в путь неиденный!
И вдруг — открой окно. Весь день
Пусть хлынет, ранней мглой опудренный;
Трам, тротуар, явь, жизнь везде,
И вот — биплан над сквером Кудрина.
Так просто! Кинув свой ангар,
Зверь порскает над окским берегом;
И, где внизу черн кочегар,

Бел в синеве, летя к Америкам.
Границы стерты, — с досок мел!
Ввысь взвив, незримыми лианами
Наш век связать сумел, посмел
Круг стран за всеми океанами.
Штурм неба! Слушай! Целься! Пли!
«Allons, enfants»... — «Вставай...» и «Ca ira».
Вслед за фарманом меть с земли
В зыбь звезд, междупланетный аэро!
7 июня 1923

ЭРЫ

Что Сан-Фриско, Сан-Пьер, Лиссабон, Сира-
кузы!

Мир потрясся! пансейсм! дым из центра
веков!

В прах скайскарперы! крейсера вверх! на
все вкусы!

Звезды трещин., развал скал, клинки лед-
ников.

На куски прежний бред! Взлет стоцветных
камений,

Перья пестрые двух двоеглавых орлов:
Украин, Латвии, Грузии, Эстонии, Арме-
нии,

Югославии, Литв, Венгрии, Словакии —
улов.

Там, где тропик торопит в зловещей вежи,
Самоа, Камерун, Того, зюд и вест-ост,
Каролины, Маршаллы, — сменен бич на
свежий:

Немцы, прочь! Rule, Britania![2] Просто, как
тост!

Но затворники зал ждут (утес у стремнины
Дней), в витринах, на цоколях, к нишам,
как встарь,

Киры, Кадмы, Сети, Цезари, Антонины;
Мчит свой бег Парфенон, дым — Пергам-
ский алтарь.

В ряд зажаты, том к тому, столетий приме-
ры,—

С нашей выси во глубь дум витой виадук,—

Там певцы Вед, Книг Мертвых, снов Биб-
лий, Гомеры,

Те ж, как в час, где над жизнью плыл пыл-
кий Мардук.

Колбы полны, микроны скрипят, бьют. в
идеи,

Здесь — Эйнштейн, Кантор — там; ум го-

рит, как в былом.

Деви, Пристли, Пти, Лавуазье, Фарадеи:

Смысл веществ, смысл пространств, смысл
времен,

все — на слом!

Что же Сан-Франсиско, Сан-Пьер, Лиссабон,
Сиракузы?

Что пансейсмы! Над пеплом в темь скры-
тых Помпеи

Виноград цвел, жгли губы, росли аркебу-
зы...

Дли исканья! Ломай жизнь! Взгляд, стра-
сти зов — пей!

28 января 1923

В МИРОВОМ МАСШТАБЕ

МАШИНЫ

Зубцы, ремни, колеса, цепи,
Свист поршней, взмахи рычага;
Вне — замыслы, наружу — цели,
Но тайна где-то спит, строга.
Взмах! Взлет! Челнок, снуй! Вал,
вертись вкруг!
Привод, вихрь дли! не опоздай!
Чтоб двинуть косность, влить в смерть ис-
кру,
Ткать ткань, свет лить, мчать поезда!
Машины! Строй ваш вырос бредом,
Земля гудит под ваш распев;
Мир в ваши скрепы веком предан,
В вас ждет царей, оторопев.
Вы — всюду: некий призрак вещей,
Что встарь вставал из лунных машин!
На всех путях, на каждой вещи —
Клеймо познания, след машин.
Нам жизнь творят цилиндры, оси,
Эксцентрики, катки... Ждем дня —

Корабль в простор планетный бросить,
Миры в связь мира едины!
Сеть проводов, рельс перевивы,
Незримый ток в лучи антенн:
Мы в них сильны, в их вере живы,
И нет пределов! и нет стен!
Вертись, вал! Поршень, бей! вей цепи!
Лети творить, незримый ток!
Вне — замыслы! наружу — цели!
Но в чьей руке святой моток?
Здесь что? Мысль роль мечты играла,
Металл ей дал пустой рельеф;
Смысл — там, где змеи интеграла
Меж цифр и букв, меж d и f!
Там — власть, там творческие горны!
Пред волей числ мы все — рабы.
И солнца путь вершат, покорны
Немым речам их ворожбы.

14 января 1924

НЕВОЗВРАТНОСТЬ

Миг, лишь миг быть Земле в данной точке
вселенной!

Путь верша, ей сюда возвратиться ль, и
как?

Звездной вязи, в уме ложью глаз впечат-
ленной,

Не найдет он, грядущий, там, в новых ве-
ках.

Время, время, стой здесь! полосатый шлаг-
баум

В череп мысли влепи! не скачи, сломя дни!

Гвоздь со шнуром в «теперь» вбить бы
нам, и в забаву

Миллионам веков дать приказ: отдохни!

Эх! пусть фильму Эйнштейн волочит по
Европе!

Строф не трать на обстрел: дробь празд-
ный извод!

Все ж из «прежде» в «потом» кувыркаться!
и в тропе

Гераклита — все истины: жизнь — смена
вод.

Есть, быть может, ждут, будут — Гольф-

штрем, Куро-Сиву

На путях, где нас Солнце влечет, как са-
трап,

Чтоб лучи, звуки, запахи, краски — краси-
вы

Стали все, всем, везде, или — соком отрав;
Есть, быть может, ждут, будут — огни даль-
них станций

Там, где шаг человечества врежет свой
след,

Чтоб в Коммуне Всемирной жить в музы-
ке, в танце,

В песне, славила радость предсказанных
лет;

Но и там все — лишь миг, но и там все —
что дребезг

Невозможных полнот, тех, что взор ося-
зать

Мог бы лишь не как взор, чей на смертном
одре блеск

Будет бред, будет цель — с мигом вечность
связать.

3 августа 1923

МИР ЭЛЕКТРОНА

Быть может, эти электроны —
Миры, где пять материков,
Искусства, знанья, войны, троны
И память сорока веков!
Еще, быть может, каждый атом —
Вселенная, где сто планет;
Там всё, что здесь, в объеме сжатом,
Но также то, чего здесь нет.
Их меры малы, но все та же
Их бесконечность, как и здесь;
Там скорбь и страсть, как здесь, и даже
Там та же мировая спесь.
Их мудрецы, свой мир бескрайный
Поставив центром бытия,
Спешат проникнуть в искры тайны
И умствуют, как ныне я;
А в миг, когда из разрушенья
Творятся токи новых сил,
Кричат, в мечтах самовнушенья,
Что бог свой светоч загасил!

13 августа 1922

МИР N ИЗМЕРЕНИЙ

Высь, ширь, глубь. Лишь три координаты.
Мимо них где путь? Засов закрыт.
С Пифагором слушай сфер сонаты,
Атомам дли счет, как Демокрит.
Путь по числам? — Приведет нас в Рим он
(Все пути ума ведут туда!).
То же в новом — Лобачевский, Риман,
Та же в зубы узкая узда!
Но живут, живут в N измереньях
Вихри воль, циклоны мыслей, те,
Кем смешны мы с нашим детским зреньем,
С нашим шагом по одной черте!
Наши солнца, звезды, всё в пространстве,
Вся безгранность, где и свет бескрыл,—
Лишь фестон в том праздничном убранстве,
Чем их мир свой гордый облик скрыл.
Наше время — им чертеж на плане.
Вкось глядя, как мы скользим во тьме,
Боги те тщету земных желаний
Метят снисходительно в уме.
21 января 1924

ЯВЬ

Опрокинут, распластан, рассужен врозь
Призрак мира от солнц до бацилл...
Но в зрачки, в их тигриную суженность,
По заре серый дождь моросил.
Там по памяти, в комнатах замкнутых,
Бродят цифры, года, имена...
А голодный крестьянин в глаза кнутом
Клячу бьет от пустого гумна.
Сны вершин в бармах Фета и Тютчева,
В кружевах Гете иль Малларме...
Но их вязь — план чьей драмы? этюд чего?
Их распев — ах, лишь в нашем уме!
День Флориды — ночь Уэльса. Но иначе —
Изотермы жгут тысячу тел:
Топчут Гамлета Хорь-и-Калинычи,
Домби дамбами давят Отелл.
Говори: это — песня! лениво лги
Там, в тетради, чертами чернил:
Но, быть может, писк муромской иволги
Кровью каплет в египетский Нил.
Колбы, тигли, рефракторы, скальпели
Режут, лижут, свежат жизнь, — но вот
Явь — лишь эти за окнами капли и

Поцелуй в час полночных свобод.
24 апреля 1923

КАК ЛИСТЯ В ОСЕНЬ

«**К**ак листья в осень...» — вновь слова Гомера.

Жить, счет ведя, как умирают вкруг...

Так что ж ты, жизнь? — чужой мечты химера?

И нет устоев, нет порук!

Как листья в осень! Лист весенний зелен;

Октябрьский желт; под рыхлым снегом —

гниль...

Я — мысль! я — воля!.. С пулей или зельем

Встал враг. Труп и живой — враги ль?

Был секстильон; впредь будут секстильоны...

ны...

Мозг — миру центр; но срезан луч лучом.

В глазет — грудь швей, в свинец — Наполеоны!

леоны!

Грусть обо всех — скорбь ни об чем!

Так сдаться? Нет! Ум не согнул ли выи

Стихий? узду не вбил ли молньям в рот?

Мы жаждем гнуть орбитные кривые,

Земле дав новый поворот.

Так что ж не встать бойцом, смерть, пред
тобой нам,

С природой власть по всем концам двоя?

Ты к нам идешь, грозясь ножом разбой-
ным;

Мы — судия, мы — казнь твоя.

Не листья в осень, праздный прах, кото-
рый

Лишь перегной для свежих всходов, — нет!

Царям над жизнью, нам, селить просторы

Иных миров, иных планет!

6 января 1924

АТАВИЗМ

Поэты — пророки! но много ли стих их,

Пусть певчий, расскажет об том нам,

Что в гибельной глупи их призрачных пси-
хик

Спит сном утомленным и томным?

Да! фон небоскребов, бипланов и трамов,

Листок с котировкой банкнота;

Но сзади дикарь, испещренный от шрамов;

След тигра иль только енота!

Нет, больше! там — примат, иль ящер, иль
даже

Медуза и тускль протоплазмы!
И нет препарата (с патентом!) в продаже,
Чтоб с кошачьим сблизили глаз мы!
И только? Но также и мост (вспомним
Ницше),
Бессмертный с копытом Силенна!
И ты, человек, будешь некогда — низший
Тип, рядом с владыкой вселенной!
Поэты-пророки! вмещайте же в стих свой
Ту дрожь, чем живет головастик!
Мы смеем так делать! отметим мы с лих-
вой
Грядущий восторг голой власти!
16 июля 1923

ХВАЛА ЗРЕНИЮ

Зелен березами, липами, кленами,
Травами зелен, в цветах синь, желт, ал,
В облаке жемчуг с краями калеными,
В речке сапфир, луч! вселенский кристалл!
В воздухе, в вольности, с волнами, смяты-
МИ

В песне, в бубенчике, в шелесте нив;
С зыбью, раскинутой тминами, мятами,
Сеном, брусникой; где, даль осенив,
Тучка нечаянно свежестью с нежностью
Зной опознала, чтоб скрыться скорей;
Где мед и дыня в дыханьи, — над внешне-
СТЬЮ

Вечной, над призраком сущностей, — рей!
Вкус! осязанье! звук! запах! — над слиты-
МИ

В музыку, свет! ты взмыл скиптром-смыч-
КОМ:

Радугой режь — дни, ночь — аэролитами,
Вой Этной ввысь, пой внизу светлячком!
Слышать, вкусить, надышаться, притро-
НУТЬСЯ —

Сладость! но луч в лучшем! в высшем! в

СВЯТОМ!

Яркость природы! Земля! в сказках «трон
отца»!

Быть с тобой! взять тебя глазом! все в том!
26 июля 1922

В ДЕРЕВНЕ

НЕ ПАМЯТЬ...

Как дни тревожит сон вчерашний,
Не память, — зов, хмельней вина,—
Зовет в поля, где комья пашни
Бьет в плуг, цепляясь, целина.
Рука гудит наследьем кровным —
Сев разметать, в ладонь собрав,
Цеп над снопом обрушить; ровным
Размахом срезать роскошь трав.
Во мне вдруг вздрогнет доля деда,
Кто вел соху под барский бич...
И (клич сквозь ночь!) я снова, где-то,—
Всё тот же старый костромич.
И с солнцем тают (радуг льдины!)
Витражи стран, кулисы книг:
Идет, вдоль всей земли единый,
Русь, твой синеющий сошник!
Мужичья Русь! Там, вне заводов,
Без фабрик, — обреченный край,
Где кроет бор под бурей сводов,
Где домовой прет спать в сарай,—

Как ты в мечты стучишь огнивом?
Не память, — зов, хмельней вина,—
К стогам снегов, к весенним нивам,
Где с Волгой делит дол Двина!
30 сентября 1923

РОДНОЕ

Березка любая в губернии
Горько сторблена грузом веков,
Но не тех, что, в Беарне ли, в Берне ли,
Гнули спину иных мужиков.
Русский говор, — всеянный, вгребленный
В память, — ропщет, не липы ль в бреду?
Что нам звоны латыни серебряной:
Плавим в золото нашу руду!
Путь широк по векам! Ничего ему,
Если всем — к тем же вехам, на пир;
Где-то в Пушкинской глуби по-своему
Отражен, склон звездистый, Шекспир.
А кошмар, всё, что мыкали, путь держа
С тьмы Батяя до первой зари,
Бьет буруном, в мечтах (не до удержа!):
Мономахи, монахи, цари!
Пусть не кровью здоровой из вен Земля:
То над ней алый стяг, — трезвый Труд!..

Но с пристрастия извечного вензеля
Зовы вошь, в день один, не сотрут!
Давних далее сбываньем тревожимы,
Все ж мы ждем у былых берегов,
В красоте наших нив над Поволжьями,
Нежных весен и синих снегов!
8 марта 1923

ИЗ ЛЕСНОЙ ЖУТИ

Один — в лесную жуть, когда на муть реч-
ную
Луной наведены белесые глаза:
Качнуть извет ветвей, спугнуть мечту ноч-
ную
И тихо покатить колеса-голоса;
Ждать, как, растя, крутясь, наполнит чут-
кий шорох
Все тропы тишины, меж корней, вдоль
вершин:
Скок диких коней, бег шотландских пони в
шорах;
Скрип древних колесниц, всхлип лимузин-
ных шин;
Следить, как там, в тени, где тонь трясин-
ных топей,

Где брешь в орешнике, где млеет мох века,—

Плетясь, в туман всплывут сны пройденных утопий,

Под смех русалочий, под взвизг лесовика;

Гадать, что с выси есть мощь сил неудержимых.

Винт воль, скликающих со звезд свою родню,

Что в мировых тисках, в их неживых зажимах,

Глубь человечества мелеет день ко дню;

И вдруг на луг, к луне, вокруг речки, скоро белой

В дожде зари, стряхнув слезу с листка ль, с лица ль,

Поняв, что камней шквал то, в чаще оробелой,

Встал, меж гостей с планет, германский Рюбецаль.

16 — 17 июня 1922

УМИЛЬНЫЕ СЛОВА

Июньских сумерек лесная
Тишь, где все вычерты чисты,
И свисла сеть волосяная
Пред белой строчкой бересты.
Откуда? — юность не на дно ли
Все сбросила, и кто принес?
Не сны глициний и магнолий,
А северную сонь берез?
Гуди, сквозь годы, рой осиный:
Эрлкёниг, Рейн, бред Лорелей...
Как блекнешь ты под дрожь осины,
В томленьи мят с родных полей!
Иль кровь, до внуков, донесла нам
Те взлеты кос, те взблестки сох,
И мох, ласкавший лоб Русланов,
В стовековой зной не иссох?
А заводь речки за отлогом
Ждет взгляда — подсказать про стих,
Где, старым ямбом, старым слогом,
Крен слов, умильных и простых.
22 июня 1922

ЛЕСНАЯ ТЬМА

Безлюдье. Глушь. Зеленоватый
Свет. Но в тиши есть голоса,—
Те, чем живут, те, чем чреваты
В июльски жаркий день леса.
Писк птицы; стрекот насекомых;
Скрип двух стволов; да вдалеке,
Меж звуков чуждых, но знакомых,
Моторной лодки треск в реке.
Нет! чу! еще! сквозь мириады
Зеленых листьев — плащ земной —
Шум, что не ведали дриады;
Гудит пропеллер надо мной.
Не знаю, здесь, где полюс близко,
Блуждал ли древле старый Пан,—
Но хищным шипом василиска
Его встревожил бы биплан.
Гуд оживленного металла
Прорезал дали; власть ума
Богов Эллады разметала,
И светит вдруг лесная тьма.
Шум листьев в сумрачном хорале
Притих; идут, смелей, грозней,
Электроплут, электротраллер,

Чудовища грядущих дней.

19 июля 1923

ДОЖДЬ ПЕРЕД НОЧЬЮ

Брел дождь, расчетливо-скупой,
А тучи смачно висли брюхом,
Чтоб ветер вдруг рванул скобой,
Вдруг взвизгнул по санным краюхам.
Рожь полегла, уткнув носы;
В лоск были лбы изб и овинов;
И это — тьма, как жужжь осы,
Валилась вниз живой лавиной.
Вниз, вдаль, за грань, верблюжий горб
Земли (путь — пустошь океана),
Чтоб чей-то край, и дюж и горд,
Ее вплел в пальмы и лианы,—
Где нынче свет, блеск, веер вех,
Шум пум, змей смесь, гребни колибри...
Край, где вся явь жжет фейерверк,
Где жизнь — наш сон в ином калибре.
Оса, жужжа, свалила тьму;
Дождь сорвался; вихрь прыгнул в это...
Жми вплоть, меридиан, тесьму,
Где миг (миг всем) — грань мглы и света!
13 августа 1923

ЗИМОЙ

Дуй, дуй, Дувун! Стон тьмы по трубам,
Стон, плач, о чем? по ком? Здесь, там —
По травам, ржавым, ах! по трупам
Дрем, тминов, мят, по всем цветам,
Вдоль троп упавших тлелым струпом,
Вдоль трапов тайных в глушь, где стан,
Где трон вздвигал, грозой да трусом
Пугая путь, фригийский Пан.
Дуй, дуй, Дувун! Дуй, Ветр, по трубам!
Плачь, Ночь! Зима, плачь, плачь, здесь,

там,
По травам, трапам, тронам, трупам,
По тропам плачь, плачь по цветам!
Скуп свет; нет лун. Плачь, Ночь, по труд-
НЫМ

Дням! Туп, вторь, Ветр! По их стопам
Пой, Стужа! Плачьте духом трубным,
Вслух! вслух! по плугам, по серпам!
Дуй, дуй, Дувун! Дуй в дудки, в трубы!
Стон, плач, вздох, вой, — в тьму, в ум,
здесь, там...

Где травы, трапы, троны? — Трупы
Вдоль троп. Все — топь. Чу, по пятам

Плач, стон из туч, стоя с суши к струйным
Снам, Панов плач по всем гробам.

Пой в строки! в строфы! строим струнным
На память мяты по тропам!

27 января 1923

СОВРЕМЕННАЯ ОСЕНЬ

Крут и терпк осенний вечер; с поля
Дух солом, земли, трав и навоза;
Ветер с ветром, вдоль колдобин споря,
Рвет мечту из тесных стен на воздух;
Квак лягушек в уши бьет в болоте;
Смех совы кувыркнул тени с елок;
Сиплый скрип тьму медленно молотит;
С тьмой ползет вол из лесу в поселок.
Ночь, где ж ты, с твоей смертельной мир-
рой,

Ночь Жуковских, Тютчевых, всех кротких?
Метки редких звезд в выси надмирной —
Меди длинных стрел с тетив коротких.
Книг, бумаг, рифм, спаренных едва лишь,
Таает снег, дрожь под лунной грудью;
Гей, Геката! в прорезь туч ты валишь
Старых снов, снов буйных буршей грудю.
Где ж нам? Что ж нам? Как нам план за-

КОНЧИТЬ?

Мир иным стал! мы ль в нем неизменны?

Все — за тенью, вслед за псом, за гончей,

Все — как пес, послушны скучным сме-
нам...

29 августа 1922

ИЗ КНИГ

КНИГА

Сцепень белых параллелограммов
В черных черточках — в свое жерло
Тянет Аустерлицев и Ваграмов
Бури вплоть до вихря Ватерло.
В дуги лампы (двадцать пять амперов!),
Над столом, — воспоминаньем влей
Мысли тысячи великих, перов
В царстве знанья, духа королей.
Но и мысли что? — сухие зерна
Пламени, что древле озарил
Чей-то сон над сваями, в озерной
Хате, ночь под черепом горилл.
В круге книг мудрец и росомаха,
Чуткая к добыче, на суку.
От амёб до Риккерта и Маха
Все века земли — в одну строку!
Если мыслят там, за гранью далее,
Семь значков внесется в ту скрижаль,
Все, чем жили мы, чего мы ждали,
Чтоб и нас вселенной было жаль.

17 мая 1922

ОБЩАЯ СТАНЦИЯ

Веками, эпохами, эрами,
Вертясь, их земля межевала,—
Тех — Тэнами, этих — Гомерами
На челюстях слав изжевала.
Но только ль в почтенном учебнике? —
В памяти, в самобытной монаде,
С Римом Августов рядом кочевники,
Миф о Гее — с главой о Канаде!
Приближены тени и остовы:
По ступеням, что видит Иаков,
Сбегают мечты Ариостовы;
Бонапарт на пиру у феаков;
Экспрессом на общую станцию —
Вавилон — Лондон, Марна — Аркола!
В сознании каждом — из Санцио
Счастливца «Афинская школа».
Так здравствуйте, девы Эриннии!
Вас ждут Дант и Гете; прошу быть
Как дома! Увы! север — в инее,
Но Конфуций стряхнет ваши шубы.
16 июня, 1922

ТЕТРАДЬ

Вот — вдоль исписана книгами, черный
Свод стенограмм (лейбниц-глифы), тет-
радь

Лет, с пультов школьных до вольных, как
жернов,

Полночей: в памяти старая рать!

...Сутра с утра; мантра днем; дань молча-
ний;

В мантии майи мир скрыт ли, где скит?—

...Сутки в седле! перьев сорок в колчане!

Вскачь за добычей! тебе степи, скиф!

...Vabel und Vibel; бог, змий, прародитель;

Дюжина, семь, шестьдесят, — счет Хал-
дей.—

...Но — в белый мрамор вязь роз Афродите,

В триметры драм бред победных Медей!

...Тоги; дороги, что меч; влечь под иго

Всех; в речи медь; метить все: А и В.—

...Тут же суд: путь в катакомбы; владыки

Душ; плач; о ком бы? плач, Рим, по тебе!

...Замок, забрало, железо, лязг копий;

Трель трубадура к окну; муж и честь.—

...Брат ли Кабраль кораблю? индских ко-

пей

Золото фландрский банкир тщится
счесть...

...Дальше!.. Вопль толп; радио с небоскре-
ба...

Дальше!.. Жизнь воль; Марс в союз; враг с
планет.—

И....Вновь у башни троянской (из гроба!)

Старцев спор, выдать Елену иль нет.—

Круг всех веков, где дикарь в Übermensch'e

[3]

Все, все — во мне! рать сдержать сил не
трать!

Бей в пулемет, нынь! рядов не уменьшить!

В ширь, в высь растут лейбниц-глифы, тет-
радь!

11 января 1923

ЕЛЕНА У ПАРИДА

Идет, безвольно уступая,—
Власть Афродиты рокова! —
Но в вихре мыслей боль тупая,
Как иглы первые слова:
«Пришел ты с битвы? Лучше, бедный,
Ты б в ней погиб! — разил мой муж
Ты хвастал свить венец победный,
Здесь, как беглец, ты почему ж?
Иди, в бой вновь кличь Менелая!
Нет! мал ты для мужских мерил!
Из ратных бурь — прочь! не желая,
Чтоб медью царь тебя смирил!»
Но, в благовонной мгле, на ложе,
Где локтем пух лебяжий смят,
Прекрасней всех и всех моложе
Ей Парид, чьи глаза томят:
«Нет, не печаль! Судьба хотела,
Чтоб ныне победил Атрид.
Я после побежду. Но тело
Теперь от жгучих жажд горит.
Так не желал я ввек! иная
Страсть жечь мне сердце не могла.
В тот час, когда с тобой Краная

Нас первой ночью сопрягла!»
И никнет (в сеть глубин уловы!)
Елена — в пламя рук, на дно,
А Афродиты смех перловый —
Как вязь двух, спаянных в одно.
7 мая 1922

ДИАДОХИ

Искали царств, дробили грады,
Бросая здесь, там зиждя трон;
Битв смена — путь их; им награды —
Груз диадем, цепь из корон.
Народ? он — ставка. На кон брошен,
Да ждет, чья кость решит игру!
Как сметь судить? кто в споре спрошен?
Рок тысяч — у царя в шатру!
Эллада, край Хеми, круг Персии,
Все — Зевс для них ковром постлал;
И им же дев бактрийских перси,
Китайский шелк, Индийский дал...
Скиптр Александра, строг и страшен,
Внесен, — жезл к строю грозных дrevк;
Им каждый сон в огонь раскрашен;
Полиоркет — он, тот — Селевк!
«Достойнейший» не встал. Пусть. В шква-

лах

Дней, гулких отзвуком громов,
Рос вширь, в пределах небывалых;
Союз племен под скреп умов.
Центр слал свой свет в периферии;
В сталь — золото, в Запад тек Восток;
Угль стыл; сквозь пепл Александрии
Вносили ввысь живой росток.
Гудел гигантский горн вселенной;
Месил века; гас, отпылав.—

Чтоб в тот же мир, в срок Рима — плен-
ный,

Влил в жизнь тысячелетний сплав.

12 марта 1923

БОДЛЕР

Давно, когда модно дышали пачули,
И лица солидно склонялись в лансье,
Ты ветер широт небывалых почуял,
Сквозь шелест шелков и из волн валан-
сьен.

Ты дрожью вагона, ты волюю фрегата
Мечтал, чтоб достичь тех иных берегов,
Где гидрами — тигр, где иглой — алигатор,
И тех, что еще скрыты в завес веков.
Лорнируя жизнь в призму горьких иро-
нии,

Ты видел насквозь остова Second Empire,[4]
В салонах, из лож, меж кутил, на перро-
не,—

К парижской толпе припадал, как вампир.
Чтоб, впитая кровь, сок тлетворный, раз-
молот,

Из тигеля мыслей тек сталью стихов,
Чтоб лезвия смерти ложились под молот
В том ритме, что был вой вселенских ме-
хов!

Твой вопль, к сатане, твой наказ каини-
там,

Взлет с падали мух, стон лесбийских
«eraves»[5] —

Над скорченным миром, с надиров к зени-
там,

Зажглись, черной молнией в годы упав.

Скорбя, как Улисс, в далях чуждых, по ды-
му,

Изгнанник с планеты грядущей, ты ждал,

Что новые люди гром палиц подымут —

Разбить мертвый холод блестящих кандал.

Но вальсы скользили, — пусть ближе к Се-
дану;

Пачули пьянили, — пусть к бездне ком-
мун.

Ты умер, с Нево видя край, вам не данный,

Маяк меж твоих «маяков», — но кому?

26 августа 1923

ВАРИАЦИИ, НА ТЕМУ «МЕДНОГО ВСАДНИКА»

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
Дождь мелкий моросил. Туман
Все облакал в плащ затрапезный.
Все тот же медный великан,
Топча змею, скакал над бездной.
Там, у ограды, преклонен,
Громадой камня отенен,
Стоял он. Мыслей вихрь слепящий
Летел, взвивая ряд картин,—
Надежд, падений и годин.
Вот — вечер; тот же город спящий,
Здесь двое под одним плащом
Стоят, кропимые дождем,
Укрыты сумрачным гранитом,
Спиной к приподнятым копытам.
Как тесно руки двух слиты!
Вольнолюбивые мечты
Спешат признаньями меняться;
Встает в грядущем день, когда
Народы мира навсегда
В одну семью соединятся.

Но годы шли. Другой не тут.
И рати царские метут
Литвы мятежной прах кровавый
Под грозный зов его стихов.
И заглушат ли гулы славы
Вопль здесь встающих голосов,
Где первой вольности предтечи
Легли под взрывами картечи!
Иль слабый стон, каким душа
Вильгельма плачет с Иртыша!
А тот же, пристально-суровый
Гигант, взнесенный на скале!
Ужасен ты в окрестной мгле,
Ты, демон площади Петровой!
Виденье призрачных сибилл,
В змею — коня копыта вбил,
Удой железной взвил Россию,
Чтоб двух племен гнев, стыд и страх,
Как укрощенную стихию,
Праправнук мог топтать во прах!
Он поднял взор. Его чело
К решетке хладной прилегло,
И мыслей вихрь вскрутился, черный,
Зубцами молний искривлен.
«Добро, строитель чудотворный!

Ужо тебе!» — Так думал он.
И сквозь безумное мечтанье,
Как будто грома грохотанье,
Он слышал топот роковой.
Уже пуста была ограда,
Уже скакал по камням града —
Над мутно плещущей Невой —
С рукой простертой Всадник Медный.
Куда он мчал слепой порыв?
И, исполину путь закрыв,
С лучом рассвета, бело-бледный,
Стоял в веках Евгений бедный.

28 октября 1923

МЫСЛЕННО

МЫСЛЕННО, ДА!

Мысленно, да! но с какой напряженностью
Сквозь окна из книг озираем весь мир
мы!

Я пластался мечтой над огромной сожжен-
ностью

Сахары, тонул в знойных зарослях Бирмы;
Я следил, веки сжав, как с руки красноко-
жего,

Вся в перьях, летя, пела смерти вестунья;
Я слушал, чтоб в строфы влить звука похо-
жего

Твой грохот, твой дым, в твердь, Мо-
зи-оа-Тунья!

Сто раз, нет, сто сотен, пока свое пол-лица
Земля крыла в сумрак, — покой океанам!

Я белкой метался к полюсу с полюса,
Вдоль всех параллелей, по всем меридиа-
нам.

Все хребты твои знаю, все пропасти в кра-

терах,

Травы всяческих памп, всех Мальстрёмов
СОДОМЫ:

Мой стимер, где б ни был, — в знакомых
фарватерах,

Мой авто — всюду гость, мой биплан —
всюду дома!

И как часто, сорван с комка зеленого,
Той же волей взрезал я мировое простран-
ство,

Спеша по путям светодня миллионного,
Чтоб хоры светил мне кричали: «Постран-
ствуй!»

И с Марса, с Венеры, с синего Сирия
Созерцал, постигал жизнь в кругу необъят-
ном,

Где миг — мига в веках — наш Египет —
Ассирия,

А «я» — электрон, что покинул свой атом!

8 июля 1923

МОЛОДОСТЬ МИРА

Лес, луга, плоскогорья — невиданной фауны...

Ветер свищет по мыслям, соль с моря со-
ря...

Лук на голых лопатках, грядущие Фаусты
Рыщут, где б на добычу, с осанкой царя.

В морок зорких пещер ночь уводит: с Цер-
линами

Дон-Жуаны жмут ворох прогнившей тра-
вы.

Завтра прыгать Колумбам путями орлины-
ми,

В делях врезать Вобанам для мамонтов
рвы.

Лунь-ведун счел все луны, все цифры в Лю-
цифере,

Тайны неба колебля, — лохматый Лаплас!

Вторят те ритму речи, те чертят на шифе-
ре,—

Братья старшие Гете и Дюреров глаз!

Лес, луга, плоскогорья и ветер пройоден-
ный,

Будущих всех столетий крыльцо-колы-

бель,

Где еще в гром не крылись ни Зевсы, ни
Одины,—

Сквозь кивот библиотек вздох бедный тебе
ль?

Ветер свищет по мыслям, где медлим в
трамвае мы,

Где нам радио ропщут, — газетный ли-
сток...

Гость неведомой флоры, преданьем срыва-
емый,

Меж авто, в пыль асфальта, спадает цве-
ток.

14 мая 1923

НАД СНЕГОМ КАНАДЫ

Там, с угла Оттанукзгла, где снегом зары-
лась Канада,

Тде, гигантская кукла, нос — в полюс, Аме-
рика, — рысь

Ждет, к суку прилегла, взором мерит про-
стор, если надо

Прыгнуть; в узких зрачках—голод, страх,
вековая корысть.

Тихо все от великой, безмерно раздвину-
той стужи;

Над рекой, по полям, через лес январь бе-
лость простер;

Холод жмет, горы, словно звериные туши,
все туже;

Пусто; где-то неверно чуть вьет дровосе-
чий костер.

Рысь застыла, рысь ждет, не протопчут ли
четкость олени,

Не шмыгнет ли зайчонок (соперник что
волк и лиса!);

Рысь храбра; в теле кровь долгих, тех же
пустынь,

поколений,

Рысей, грызших врага, как грызет колкий
холод леса.

Кровь стучит в тишине пламенем напря-
женных артерий,

Лишь бы, по-белу алое, алчь утолить дове-
лось!

Не уступит, не сдаст даже черно-пятнистой
пантере,

Даже если из дебри, рогами вперед, вно-
ве — лось!

Чу! Хруст. Что там? Всея сжаться. За ство-
льями

бурые лыжи

Лижут в дружном скольженьи блистаю-
щий искрами наст.

Вот — он, жуткий, что сон, — человек! вот
он —

хмурый и рыжий:

Топора синь, ружья синь, мех куртки,
тверд, |

прям, коренаст.

Сжаться, слиться, в сук вьестся! Что голо-
да боли!

Несносный

Эти блески, свет стали, свет лезвий, свет |

жалящих глаз!

Слиться, скрыться: защита — не когти, не
зубы, не сосны

Даже! выискать, где под сугробом спаси-
тельный лаз!

Там, с угла Оттанукзгла, где снегом зары-
лась Канада,

Где, гигантская кукла, нос — в полюс, Аме-
рика, — век,

За веками, где звери творили свой суд, ес-
ли надо,

Там идет, лыжи движутся, бог, власть огня,
Человек!

17 октября 1922

В ТИХОМ ОКЕАНЕ

Что за бурь, какого случая
Ждет подмытый монолит,
Глядя в море, где летучая
Рыба зыби шевелит?
В годы Кука, давне-славные,
Бригам ребра ты дробил;
Чтоб тебя узнать, их главный и
Неповторный опыт был.
Ныне взрыт зверями трубными
Путь, и что им, если зло
Ветер шутит всеми румбами,
На сто множа их число!
Мимо, гордо, мимо, плавные
Режут синий выплеск вод...
Годы Кука, давне-славные,
С ризой вставлены в кивот.
В дни, когда над бездной вогнутой
Воет огненный циклон,
Только можешь глухо, в окна, ты
Крикнуть стимерам поклон.
Под водой скалой таиться и
Быть размытым ты готов...
Эх! пусть челноки таитские

Мечут на тебя швартов!

6 — 7 февраля 1923

МАРРИЭТОВЫ МИЧМАНЫ

Марриэтовы мичманы,
Вы, лихая ватага,—
Здесь лукаво-комичные,
Там живая отвага!
Вслед за вами, по вспененным
Тропам, с детства мы — чайка!
Волны пели, и в пеньи нам:
«Примечай! примечай-ка!»
Где учебник? Рассеянно
Глаз твердит: «Смерть Аттилы»...
А в мечтах: из бассейна
Голубого — Антиллы.
А в мечтах: на фрегате мы,
Шхуны в плен с их поклажей!
Мальты там берега из тьмы,
Шум и скрип такелажа.
А за шквалами шалости:
Красть изюм, бить нежонок...
Ах! припомнить до жалости
Те страницы книжонок,
Ту неправду, что измала

Жгла огнем неустанным,
Ту, что волю в нас вызвала —
В жизни стать капитаном!..
20 августа 1923

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ В ТАЙГЕ

Медвежья шкура постлана
В моем углу; я жду...
Ты, дальним небом посланный,
Спади, как плод в саду!
Весна цвела травинками,
Был желт в июле мед;
Свис, в осень, над тропинками
Из алых бус намет.
Лежу, и груди посланы
Ловить слепую мглу...
Медвежья шкура постлана,
Тепла, в моем углу.
Таясь в тайге, с лосятами
Лосиху водит лось...
Мне ль с грудями не взятыми
Снег встретить довелось?
Весна цвела травинками.
Вот осень. Зрелый груз
Гнут ветры над тропинками,—

Лесных рябин и груш.
Медвежья шкура постлана...
Ты, свыкший ветви гнуть,
Ты, ветер, небом посланный,
Сбрось грушу мне на грудь!
7 февраля 1923

ГДЕ-ТО

Островки, заливы, косы,
Отмель, смятая водой;
Волны выгнуты и косы,
На песке рисунок рунный
Чертят пенистой грядой.
Островки, заливы, косы,
Отмель, вскрытая водой;
Женщин вылоснились косы;
Слит с закатом рокот струнный;
Слит с толпой ведун седой.
Взглянет вечер. Кто-то будет
Звать красотку к тени ив.
Вздохи, стоны, споры: — «Будет!»
— «Нет! еще!» — Над сном стыдливым
Месяц ласки льет, ленив.
В ранний вечер кто-то будет
Звать красотку к тени ив...

Пусть же солнце сонных будит!
Месяц медлит над отливом,
Час зачатъя осенив.

14 мая 1923

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

ТА ЖЕ ГРУДЬ

Давно охладели, давно окаменели
Те выкрики дня, те ночные слова:
Эти груди, что спруты, тянулись ко мне
ли?

Этих бедер уклоны я ль целовал?
В памяти плиты сдвинуты плотно,
Но мечты, зеленея, пробились меж них:
Мастеров Ренессанса живые полотна,
Где над воплем Помпеи рубцевались ме-
жи.

Ведь так просто, как счет, как сдача с кре-
дитки,

С любовницей ночью прощаться в дверях,
Чтоб соседка соседке (шепот в ухо): «Гля-
ди-тка!

Он — к жене на постель! я-то знаю: две в
ряд!»

И друзья хохотали, кем был я брошен,
Бросил кого (за вином, на авось),
Про то, как выл в страхе разметанный Бро-

кен,

Иль стилет трепетал через сердце на-
сквозь.

Были смерти, — такие, что смерть лишь
насмешка,

Были жизни, — и в жизнях гейзер огней.

Но судьба, кто-то властный, кричал мне:
«Не

мешкай!»

И строфы о них стали стоном о ней.

Так все камни Эллад — в Капитолии Рима,

Первых ящеров лет — в зигзаге стрижа.

Пусть целую другую! Мне только зримо,

Что я к той же груди, сквозь годы, прижат!

7 июля 1922

ЭТО Я

В годы — дни (вечный труд!) переплавли-
вать

В сплав — часы, серебро в глубину!

Что ж мы памяти жадной? не вплавь ли
звать

Через остывшую лаву минут?

Сны цветные ребенка задорного

Молот жизни в сталь строф претворил,

Но туманом явь далее задернуло,—

Голубым, где был перл и берилл.

Что нам видеть, пловцам, с того берега?

Шаткий очерк родного холма!

Взятый скарб разбирать или бережно

Повторять, что скопила молва!

Мы ли там, иль не мы? каждым атомом

Мы — иные, в теченьи река!

Губы юноши вечером матовым

Не воскреснут в устах старика!

Сплав, пылав, остывает... Но, с гор вода,—

Годы, дни, жизнь, и, ужас тая,

В шелест книг, в тишь лесов, в рокот горо-
да,

Выкрик детской мечты: это — я!

9 июля 1922

У СМЕРТИ НА ПРИМЕТЕ

Когда шесть круглых дул нацелено,
Чтоб знак дала Смерть-командир,—
Не стусклена, не обесценена
Твоя дневная прелесть, мир!
Что за обхватом круга сжатого,
Доступного под грузом век?
Тень к свету Дантова вожатого
Иль червь и в атомы навек?
Но утром клочья туч расчесаны;
Пруд — в утках, с кружевом ракии;
Синь, где-то, жжет над гаучосами;
Где айсберг, как-то, брыжжет кит.
Есть баобабы, и есть ландыши...
Пан, тропы травами глуша,
Чертежник древний, правит план души...
Да! если есть в мозгу душа!
И если нет! — Нам одинаково
Взлетать к звезде иль падать к ней.
Но жердь от лестницы Иакова,
Безумцы! вам всего ценней!
Да! высь и солнце, как вчера, в ней... Но
Не сны осият мир денной.

И пусть шесть круглых дул уравнено
С моей спокойной сединой.

24 июня 1923

ДОМОВОЙ

Опять, опять, опять, опять
О прошлом, прежнем, давнем, старом,
Лет тридцать, двадцать, десять, пять
Отпетом, ах! быть может, даром!
Любимых книг, заветных лиц
Глаза, страницы, строфы, вскрики;
Гирлянды гор, ступни столиц,
Муть моря, плавни повилики...
В земной толпе — я темный дом,
Где томы, тени, сны, портреты;
Эдгаров Янек — я; за льдом —
Ток лавы, памятью прогретый.
Но дом живет, вулкан горит,
С балкона — песни, речи, сплетни:
Весенний верх сухих ракич,
В одежде свежей плющ столетний!
Лишь домовой, таясь в углу,
Молчит в ответ пустым гитарам,—
Косясь на свет, смеясь во мглу,—
О прошлом, прежнем, давнем, старом.

3 сентября 1922

АРИАДНЕ

Слышу: плачут волны Эльбы
О былом, о изжитом;
Лодки правят, — не на мель бы;
Пароходы бьют винтом;
Слышу, вижу: город давний,
Башни, храмы, скрип ворот.
Гете помнящие ставни,
Улиц узкий поворот;
Вижу: бюргеры, их жены,
Стопы пива по столам,—
Ужас жизни затверженной,
Дьявол с Гретхен пополам.
Там, где Эльбы полногрудой
Два сосца впились в мосты,
Там, задавленная грудой
Всех веков немецких, — ты!
Ты, с кем, два цветка, мы висли,
Миг, над пропастью двойной,
Ты, с кем ник я, там, на Висле,
К лику лик с Земной Войной.
8 июля 1923

МЕРТВЕЦ

Как странно! Круг луны;
Луг белым светом облит;
Там — ярки валуны;
Там — леса черный облик.
Все, что росло в былом,
Жизнь в смене лет иначит:
Храм прошлых снов — на слом,
Дворец жить завтра — начат.
А лунный луч лежит
Весь в давних днях, и в этом
Былом мертвец меж
Ведет по травам светом.
Ведет, как вел в века,
В сон свайных поселений,
Чтоб в тайны Халд вникал,
Чтоб Эллин пел к Селене.
Что годы! тот же он!
Луг в светоемы манит;
Тот бред, что был сожжен,
Вновь жжет в его обмане.
Как странно! Лунный круг,
Банальный, бледный, давний...
И нет всех лет, и вдруг

Я — с Хлоей юный Дафнис!

28 августа 1923

ТАК ВОТ ГДЕ...

Так вот где жизнь таила грани:
Стол, телефон и голос грустный...
Так сталь стилета остро ранит,
И сердце, вдруг, без боли хрустнет.
И мир, весь мир, — желаний, счастлих,
(Вселенная солнц, звезд, земель их),
Испеплен, рухнет, — чьи-то части, —
Лечь в память, трупа онемелей!
Я знал, я ждал, предвидел, мерил,
Но смерть всегда нова! — Не так ли
Кураре, краткий дар Америк,
Вжигает в кровь свои пентакли?
И раньше было: жизнь межила
Пути, чтоб вскрыть иные дали...
Но юность, юность билась в жилах,
Сны, умирая, новых ждали!
И вот — все ночь. Старик упрямый,
Ты ль в сотый круг шагнешь мгновенно?
А сталь стилета входит прямо,
И яд шипит по тленным венам.
Я ждал, гадал, как сердце хрустнет,

Как рок меж роз декабрьских ранит...
Но — стол, звонок да голос грустный...
Так вот где жизнь таила грани!
16 ноября 1923

ДВА КРЫЛА

После тех самых путей и перепутий,
Мимо зеркала теней, все напевы в меч-
тах,

Под семицветием радуги медля в пышном
приюте,

Где девятой Каменной песнь была начата,—
Я роком был брошен, где миг всегда молод,
Где опыты стали — не к часу, в тени,
Где дали открыты на море, на молы,—
В такое безумье, в такие дни.

Здесь была наша встреча; но разные виде-
ния

За собой увлекали мы с разных дорог:

Рим и мир миновал я, ты — первое преду-
преждение

Объявляла, вступая в жизнь едва на порог.

Но в оклике ль коршунов, в орлемах ли кле-
коте

Мы подслушали оба соблазн до высот,

Словно оба лежали мы, у стремнины, на
локте, и

Были оба бездетны, как стар был Казот.

И в бессмертности вымысла, и в сутолоке
хлопотной,

И где страсть Евредуку жалит из трав,

Ты — моя молодость, я — твоя опытность,

Ты — мне мать и любовница, я — твой
муж и сестра.

Два крыла мощной птицы, мы летим над
атоллами

К тем граням, где Полус льды престольно
простер

И над полыми глубями в небе полное по-
лымя

Бродит, весть от планеты к планетам, в
простор!

24 марта 1923

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

Пятьдесят лет —
 пятьдесят вех;
 пятьдесят лет —
 пятьдесят лестниц;
Медленный восход
на высоту;
восход на виду
у сотен сплетниц.
Прямо ли, криво ли
лестницы прыгали,
под ветром, под ношей ли,—
ярусы множились,
Узкие дали
вдруг вырастали,
гор кругозоры
низились, ожили.
Где я? — высоко ль? —
полвека — что цоколь;
что бархат — осока
низинных болот.
Что здесь? — не пьяны ль
молчаньем поляны,
куда и бипланы

не взрежут полет?
Пятьдесят лет —
пятьдесят веx;
пятьдесят лет —
пятьдесят восходов.
Что день, то ступень,
и стуки минут —
раздумья и труд,
год за годом.
Вышина...
Тишина...
Звезды — весть...
Но ведь знаю,
День за днем
будет объем
шире, и есть —
даль иная!
Беден мой след!
ношу лет
знать — охоты нет!
ветер, непрошен ты!
Пусть бы путь досягнуть
мог до больших границ,
прежде чем ниц
ринусь я, сброшенный!

Пятьдесят лет —
пятьдесят вех;
пятьдесят лет —
пятьдесят лестниц...
Еще б этот счет! всход вперед!
и пусть на дне —
суд обо мне
мировых сплетниц!
27 ноября, 15 декабря 1923

БРЕДЫ

НА РЫНКЕ БЕЛЫХ БРЕДОВ

День, из душных дней, что клеймены
на рынке белых бредов;
Где вдоль тротуаров кайманы
лежат как свертки пледов;
Перекинутый трамваем, где
гудит игуанадон;
Ляпис-надписями «А. М. Д.»
крестить пивные надо
И, войдя к Верхарну, в «Leg Soirs»,
в рифмованном застенке
Ждать, что в губы клюнет казуар,
насмешлив и застенчив.
День, из давних дней, что ведомы,
измолоты, воспеты,
Тех, что выкроили ведуны
заранее аспекты,
Сквасив Пушкина и тропики
в Эсхиле взятой Мойрой,
Длить на абсолютах трепачи
под алгоритмы ойры,

Так все кинофильмы завертев,
что (тема Старой Школы)
В ликах Фра-Беато скрыт вертеп,—
Эдем, где Фрины голы!
День, из долгих дней, не дожитых,
республика, в которой,
Трость вертя, похож на дожа ты
на торном Vucentoro,
И, плывя, дрожишь, чтоб опухоль
щек, надувавших трубы,
Вдруг не превратилась в выхухоль
большой банкирской шубы,
И из волн, брызг, рыб и хаоса,—
строф оперных обидней,
Не слепились в хоры голоса
лирических обыдней!

14 июня 1922

НОЧЬ С ПРИВИДЕНИЯМИ

Вот снова, с беззвучными стуками кирок,
Под пристальным надзором все тех же
планет,

Ночь, зодчий со стражей теней при секи-
рах,

Принимает свой труд, тот, что в тысячах
лет.

В темь опускают беспросветные плиты,

Все ломки мрака на земле обедня;

Уже, копыя к ноге, древних Афин гоплиты

Сторожат фундамент завтрашнего дня.

По темным ступеням лестницы, еще возво-
димой,

Всходит вверх, — взглянуть на былое, —
Шекспир;

У подножья, в плащах (цвет омертвело-го
дыма),

Вольтер, Гоббс, Ницше (с сотню их) сели за
пир;

В зале, пока без плафона, точно черти
взволновались:

Старомодные танцы, вялый вальс-глице;

То — перегорбленный Гейне, то — поднов-

ленный Новалио,

Федра в ногу с Татьяной, пьяный и по
смерти Мюссе.

Гул киров не молкнет, но глух, что хло-
пушки,

Гуд масс возносимых, что шелесты шин;
И горестно смотрит, в руке цилиндр, Пуш-
кин,

Как в амбразуре окна, дряхл, спит Фет-
Шеншин.

Ночь, зодчий упорный, спешит, взводит
купол;

Бьет молот; скрипит перекинутый блок...

А в полоске зари, как на сцене для кукол,

На тоненькой ниточке Александр Блок.

24 июня 1922

СИМПОСИОН ЗАКАТА

Всё — красные раки! Ой, много их, тоннами
По блюдам рассыпал Зарный Час (мира
рьяный стиль!),

Глядя, как повара, в миску дня, монотон-
ными

Волнами лили привычные пряности.

Пиршество Вечера! То не «стерлядь» Дер-
жавина,

Не Пушкина «трюфли», не «чаши» Языко-
ва!

Пусть посуда Заката за столетья заржавле-
на,

Пусть приелся поэтам голос «музык» его;

Всё ж, гуляющие гости! каждый раз точно
обух в лоб —

Те щедрости ветра, те портьеры на западе!

Вдвое слушаешь ухом; весь дыша, смот-
ришь в оба, чтоб

Доглотнуть, додрожать все цвета, шумы,
запахи!

Что там розлито? вина? Что там кинута?
персики?

Малина со сливками! ананас над глубина-

ми!

Экий древний симпозион! Герои и наперсники,

Дев перси, рук перстни, — перл над рубинами!

Старомодны немного пурпуровые роскоши:

Ренессанс Тинторетто сквозь Вторую Империю,

Но до дна глубина: лилий кубки да роз ковши,

Бури алых Миссури на апрельские прерии!

Эх, продлить бы разгул! Но взгляни: вянут розаны;

С молоком сизый квас опрокинутый месится;

Великанам на тучах с кофе чашечки розданы,

И по скатерти катится сыр полномесяца.

15 августа 1922

КАРУСЕЛЬ

Июльский сумрак лепится
К сухим вершинам лип;
Вся прежняя нелепица
Влита в органный всхлип;
Семь ламп над каруселями —
Семь сабель наголо,
И белый круг усеяли,
Чернясь, ряды голов.
Рычи, орган, пронзительно!
Вой истово, литавр!
Пьян возгласами зритель, но
Пьян впятеро кентавр.
Гудите, трубы, яростно!
Бей больно, барабан!
За светом свет по ярусам,—
В разлеты, сны, в обман!
Огни и люди кружатся,
Скорей, сильней, вольней!
Глаза с кругами дружатся,
С огнями — пляс теней.
Круги в круги закружены,
Кентавр кентавру вслед...
Века ль обезоружены

Беспечной скачкой лет?
А старый сквер, заброшенный,
Где выбит весь газон,
Под гул гостей непрошенных
Глядится в скучный сон.
Он видит годы давние
И в свежих ветках дни,
Где те же тени вставлены,
Где те же жгут огни.
Все тот же сумрак лепится
К зеленым кронам лип;
Вся древняя нелепица
Влита в органнй всхлип...
Победа ль жизни трубится —
В век, небылой досель,—
Иль то кермессы Рубенса
Вновь вертят карусель?
12 июля 1922

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО

Все шло — точь-в-точь обыкновенное:

были дома нахлобучены;
Трамвай созвонен с телегой,
проходим наперекор;
И дождь мокроснежьего бега
ставил рекорд.

Но глаза! глаза в полстолетие
партдисциплине не обучены:
От книг, из музеев, со сцены —
осколки (как ни голосуй!),
Словно от зеркала Г.-Х. Андерсена,
засели в глазу.

Над желто-зелеными лотос-колоннами,
над всякими Ассурбанипалами,—
Вновь хмурился, золото-эбур,
Фидиев Zeus,
И на крае Негдинной — зебу,
малы, как в цейс.

Как же тут стиху не запутаться
между Муданиями и Рапаллами,
Если оппозиции Марса (о наука!) —
раз в пятнадцать лет,
И в Эгейю у старого Кука

взять невозможно билет!
Поэту что ж посоветовать? —
настежь, до наголо помыслы!
Отсчитывай пульс по минутам:
сорок, восемьдесят, сто!
Хотя бы по линзам, выгнутому и вогнутому,
иначе постановило С. Т. О.
Доныне, — пусть проволоки перепутаны, —
мы — охотники по смолы!
Где Октябрь загудел впросонки
человечества, я учу —
Собирать вдоль мировой Амазонки
золотой каучук.
19 ноября 1922

ДАЧНЫЙ БРЕД

Так бывает в июне. Часы свечерели;
Из-за липы солнце целит сквозь дом;
По дачному парку — мать дочерей ли,
Сводня ль питомиц ведет чередом.
Еще бельмами ламп не запятнались терра-
сы,

Чайный флирт прикрывать иль мигать в
преферанс...

И вдруг вижу вокруг шишаки и кирасы...
Если угодно, это — бред, если не смешно,
это — транс.

Дощатые дачи (полмиллиарда в лето)
Щетинятся башней рыцарского гнезда;
Стали блестят из-под модного жилета,
Где-то герольда рогом свистят поезда.
А мужик, с кем сейчас столкнулся в двери
я,

Из кабачка «Трех бродяг» под утесом вил-
лан...

И в ветре поет, ревет жакерия,
Чу! косы о меч! у! тела на тела!
Так бывает в бреду. Но часы свечерели,
Бициклетам не шаркать, авто не гудеть,

Чтоб в беседках, раздвинув жемчуга ожерелий,

Дачным франтам соседок целовать меж
грудей.

8 июля 1922

Примечания

1

Спешите!

[^^^]

Правъ, Британія! (англ.)

[^^^]

Сверхчеловек (нем.).

[^^^]

Вторая империя (фр.).

[^^^]

Обломки (фр.).

[^^^]